

Мариетта ЧУДАКОВА:

«Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина»

Эта беседа была записана 23–24 февраля 1996 г. во время приезда Мариетты Чудаковой в Университет Невады в Лас-Вегасе. Разговор шел о Борисе Ельцине, его президентском Совете, членом которого была Чудакова, противоречиях его правления, об институциональных и эмоциональных основах демократии и о предстоящей конференции по русской культуре в Университете Невады. Большая часть интервью записывалась в машине, чем объясняются трудности с расшифровкой отдельных фрагментов. Паузы, неразборчивые места и смысловые разрывы обозначены многоточием. В тех случаях, когда голоса участников разговора накладывались, речевые ряды разведены. Редакторская правка делалась с целью облегчить чтение текста.

Дмитрий Шалин: Сегодня у нас 23 февраля 1996 года. Я разговариваю с Мариеттой Чудаковой. Мы будем немножко говорить, немножко смотреть по сторонам [из окна машины]. Хочу вам рассказать о том, что заметила [моя жена] Джанет. Это любопытно: «Мариетта — *formidable intellectual*, тонкий интеллект, и все-таки, мне кажется, она недооценивает способности некоторых людей на Западе понять какие-то тонкости».

Мариетта Чудакова: Возможно.

ДШ: То есть на всякого мудреца довольно простоты. Мудрейшие люди в России могут чего-то недопонимать.

МЧ: Конечно.

ДШ: Несомненно, чего-то нам не различить, но не исключено, что мы здесь видим что-то лучше вас.

МЧ: Несомненно, какие-то тонкости вы видите, которые от нас ускользают. Но

это нисколько не зачеркивает того факта... Я вижу, что сейчас Запад не видит кардинальных вещей, что очень редко было [в прошлом]. Последние полгода мне стало ясно, что Запад не видит кардинальных вещей. Ваша апелляция к опыту Польши, Эстонии или Литвы, которая не сходит с уст не только у вас, но и у нас, совершенно бессмысленна. Потому что люди, которые были как бы коммунистами в Польше или Литве, это люди другого сорта. Гораздо более короткий промежуток после 1945 года, так что это абсолютно другой комплекс.

ДШ: И то, что там теперь у власти...

МЧ: Пожалуйста, я за [Алгрида] Бразаускаса сама всей душой.

ДШ: Но Бразаускас и Зюганов ничего общего не имеют.

МЧ: Ничего общего не имеют. Гораздо больше общего на самом деле у Жириновского и Зюганова, как бы Жириновский его ни плевал.

ДШ: То есть самых кардинальных вещей они не понимают.

МЧ: Теперь не понимают.

ДШ: Многие россияне, побывавшие на Западе — Герцен, Достоевский, — ожидали там найти родственную душу, но возвращались с противоположным чувством в отношении Запада. Я не осуждаю, но просто констатирую и хочу узнать ваше мнение, есть ли у русских отношение к Западу как не способному...

МЧ: Вы этого не замечаете, но сама система интервью она незаметно трансформирует дискуссию. Ваша технологическая задача — вы на меня обижаетесь...

ДШ: Нет, Мариетта, тут вы неправы. Я счастлив, что нам удалось встретиться и поговорить.

МЧ: Я говорю вам, что все эти годы, наоборот, я на Западе встречала понимание и отношусь к нему совсем не по-русски. Мне здесь легко всегда. Но сейчас я столь же трезво, а не по-русски эмоционально и с обиженной губой, вижу, что не понимают... Это непонимание того же сорта, как не понимают люди, сидя у нас в центре Москвы. Оно может быть другого происхождения, но это непонимание. И я с ними не могу найти [общий язык]. Они говорят: «Ну как же вы не понимаете демократии?»

ДШ: Но я не говорил: «Как же вы не понимаете...»

МЧ: Нет, я сейчас пересказываю не вашу, а их позицию... Вот ваша мама — умный, благородный человек, что очевидно через две минуты, — слушала всю мою лекцию и потом подошла и говорит: «Нельзя молиться за царя Ирода». Вот вам пожалуйста. А ведь кажется я лезу вон из кожи, чтобы довести свою мысль до ясности. Хотя у меня эмоции там присутствуют, но все-таки согласитесь, что я говорю логические вещи. Я анализирую, не правда ли?

ДШ: В английском языке есть замечательное выражение *join issues* — скрестите шпаги по сути дела, а не говорите каждый о своем. Я могу быть не прав, но ответьте мне по существу аргументов.

МЧ: Да я могу и побольше вас сказать о Ельцине плохого.

ДШ: Абсолютно согласен. Важно выйти на самую сильную часть вашего аргумента и именно с ней спорить. Итак, мне нужно буквально шестьдесят секунд, чтобы найти правильные слова. Возможно, я не найду точных слов, но постарайтесь, как здесь говорят, *join issues* со мной. Первый раз, когда я вас увидел, вы выступали... Как назывался этот форум?

МЧ: «Московская трибуна», разговор по поводу пятидесятилетия мэрии.

ДШ: Да, и вот все на вас нападали, а вы им отвечали соответственно. С одной стороны, вы правы, слушатели не имеют права вас перебивать. Это ваше время, вы в регламенте и у вас есть право говорить. А с другой стороны, вы и сами, возможно, этого не сознавая, воспроизводите ту же парадигму.

МЧ: Да, мешаю другому человеку. Мне это свойственно, и я не могу с собой бороться, это так. Но [общественный форум]

это другой случай. Они не хотели меня выслушать, а я им мешала это делать. То есть я веду себя, как они, мешаю диалогу...

ДШ: Не уверен, что я прав, но даже и в том случае можно было бы поспорить. Понимаете, когда им удастся затянуть вас в эту склоку...

МЧ: Это была не склока, а именно желание меня остановить. Я не зря туда вышла, мне было что сказать. Другой бы просто ушел с трибуны. В этом же зале сидели люди, которые ко мне потом подходили и говорили, как они рады, что это услышали. Извините, почему я не должна была сказать то, что вы хотели услышать? Почему я должна сдаваться этому большинству так называемому?

ДШ: Да, наверное, где-то нужно и собачиться, не давать им вас остановить. Но на повседневном уровне, за столом...

МЧ: Это другое дело.

ДШ: Когда я прошу: «Мариетта, дайте мне тридцать секунд». И уже через десять секунд вы...

МЧ: Тут я полностью с вами согласна.

ДШ: Это тоже проблема русской демократии.

МЧ: Еще бы!

ДШ: Для Джона Дьюи и социологии прагматизма эмоциональная культура не менее важна, чем институциональные структуры. Это две стороны одного и того же [процесса]. Нельзя изменить институциональные основы общества, не изменив его эмоциональную инфраструктуру...

МЧ: Да, мы не слышим друг друга. Все правильно.

ДШ: Демократия — это среди прочего *Robert's rules of order*, парламентские правила ведения дискуссии. И пока мы не научимся соблюдать регламент, а будем затаптывать и захлопывать [оппонента], никакая Конституция не поможет.

МЧ: Если бы вы были на последней «Московской трибуне», вы бы увидели, что там были представлены два мнения, мое и «Огонька». Я их предупредила, что буду говорить непопулярные вещи, поскольку там у всех были митинговые настроения и определенный настрой. Я сказала, что прошу выдать мне мои пять минут, о которых мы договорились. Выслушайте мою непопулярную речь. Через минуту три женщины, именно женщины, стали [?].

Каждая из этих женщин, я уверена на 90 процентов, встретившись со мной, сказала бы: «О, я так рада с вами познакомиться! Я знаю вашу книгу о Булгакове». То есть они ко мне хорошо относятся, но здесь запахло в голову, и вот это митинговое: «А-а-а!» То самое, что сказала ваша мама. Все уже настроились, что президент — это палач, убийца, а тут кто-то говорит другое, говорит за Ельцина. Мне говорят: «Почему вы на него молитесь?», а я говорю, что молюсь только на господу моего Иисуса Христа, а больше ни на кого.

ДШ: Это классический русский наскок *ad hominem*.

МЧ: Да, правильно.

ДШ: От эмоций не избавишься, из дебатов не выкинешь, и в то же время исключительно важно воспитывать в себе «культуру несогласия», как ее обозначил Аверинцев. Я могу не соглашаться с моим другом и у закадычного врага увидеть серьезные аргументы. Способность развести эти ракурсы — эмоциональную канву разговора и существо дела — не развита в России. Люди, интеллигентные, демократические, могут наступать на ноги несогласным...

МЧ: Ну да.

ДШ: И когда вы мне говорите, что видите, как у меня в голове уже складывается заметка о нашем разговоре, то это укол. То есть вы можете быть правы на 95 процентов, но вы начали с пяти.

МЧ: Несомненно, хотя то, что я говорила, у вас отложилось [не совсем правильным образом]. Первое, что я хотела сказать: «Вы многое забыли, и правильно!» С 1974 года физически нельзя не забыть.

ДШ: Так вот, меня интересуют два уровня демократических процессов — эмоциональный и институциональный, политический.

МЧ: Это очень верно.

ДШ: Демократическим институтам трудно укорениться в эмоциональной культуре страны, где имеют место хронические эмоциональные расстройства. И пока мы не научимся слушать не перебивая, суммировать не самые слабые аргументы противника, а самые сильные, отдавать должное врагу там, где он этого заслуживает, не превышать допустимого уровня децибел, ничего [хорошего у нас не получится]. Это чеховская программа на самом деле, и без

нее не построить демократического общества. Язык тела — *body language* — заглушает все. Кто-то начинает махать рукой, кто-то... И все это сводится к митингу, к агитке, к загрязнению эмоциональной среды обитания... Вы сами писали о блуде борьбы, и ваши эмоции, как мне кажется [особенно показательны в сегодняшней ситуации]. То, что является шумом, может восприниматься собеседником как сигнал.

МЧ: Я это твердо знаю...

ДШ: Когда [американский политик] Ньют Гингрич обзывает жену Клинтона блядью, то не важно, о чем он говорит, насколько Хиллари Клинтон несимпатична. Его тон...

МЧ: Это республиканец, да?

ДШ: Да-да. Так вот, вы очень тонкий человек, я с вами согласен на 98 процентов, но эмоциональный настрой ваш принадлежит миру, с которым вы боретесь. И это люди чувствуют...

МЧ: ...Говорю вам как на духу, это мое органическое свойство, оно не воспитано. Я предупреждаю своих друзей, что, когда я говорю об их работе, когда они мне дают работу на отзыв, мое мнение будет выглядеть более агрессивно, чем моя оценка самой работы. Но это вопрос не оценки, а моего темперамента. Я всегда предупреждала: «*Прислушайтесь к словам, которые я буду говорить. А та страсть, с которой я выражаюсь, может выглядеть более негативно, чем моя оценка*». Это когда речь идет о научных темах.

ДШ: Я знаком с этим темпераментом и сам в какой-то степени ему подвержен.

МЧ: Был, пока не оказался на Западе.

ДШ: Да, но наступает момент, когда этот темперамент начинает мешать.

МЧ: Никаких сомнений. Я это считаю своим недостатком.

ДШ: Самое важное то, что такой темперамент заглушает суть нашей мысли...

МЧ: Вы говорите то, с чем я согласна и что знаю давным-давно. Вот мой муж абсолютно другого типа человек. Его слова доходят гораздо больше, потому что это говорится спокойно, толерантно...

Вы говорили, что собираетесь проводить какой-то симпозиум или он провалился?

ДШ: Да, будет симпозиум под названием «Русская культура на перепутье». Но сначала нужно деньги собрать. У нас вы-

ходит первый том коллективного труда, где есть главы Левады, Кона, Абдуллаевой, Дондурей, Эткинды плюс ряда американцев. Запланированы еще три тома и три конференции — по артистической культуре, по политической и третий том по экономической культуре. Не знаю, как насчет экономической тематики, но два других тома могут выйти. На ближайшую конференцию мне нужно «всего лишь» 90 тысяч долларов, которых пока нет. А книга выйдет [в этом году], на нее уже были первые рецензии.

МЧ: И симпозиум у вас был?

ДШ: Да, первая книга по результатам симпозиума 1992 года.

МЧ: Я думаю, тогда мы еще с вами не были знакомы.

ДШ: Наверно, нет.

МЧ: Мы как-то случайно познакомились. Ну как случайно, вы, по-моему, мне позвонили, и я вам сказала, что мы можем встретиться как раз там, куда я еду [на общественный форум].

ДШ: Ситуация с фондированием сейчас плохая.

МЧ: Все ждут коммунистов, американцы говорят. Ждут коммунистов, начнется холодная война, и на это пойдет очень много денег. Не знаю, знаете ли вы такую даму, здешнюю славистку Ирину Паперно.

ДШ: Да знаю. Где она сейчас?

МЧ: Она в Беркли сейчас, а была в Корнельском университете... Вторая жена Бори Гаспарова. Сейчас у него третья. Но это не важно. Она довольно известная славистка, автор книги о Чернышевском и так далее. Сейчас она и Ольга Матич заняты всякими феминистскими проблемами, трехчастными браками и всем таким. Но она с таким мужским умом, очень неглупый человек. В Корнельском университете читала курсы, и студенты мне сказали, что она им говорила перед выборами в Думу: «Хорошо бы коммунисты пришли [к власти], и тогда бы нам сразу дали деньги».

ДШ: Ну да, в этом есть какая-то правда. Хотя я подозреваю, что это звучит изящнее, чем реальная ситуация.

МЧ: Может быть. Вам виднее. Я только транслирую. Саша Жолковский тоже говорил, он также любит приукрашивать и полемизировать. Он профессор в USC [University of Southern California]. Вы, кажется, его знаете немножко. Он сейчас

москвич, приезжает на каникулы, много общается с молодыми учеными и исследователями, активно участвует во всяких мероприятиях. Он такой активный человек, что ему даже каникулярного времени не хватает, чтобы приносить пользу. И вот он тоже говорит, что все американцы ждут.

ДШ: В общем, я надеюсь, что с помощью нашего университета и других фондов мы организуем конференцию...

[А как у Ельцина складываются отношения с интеллигенцией?]

МЧ: [Ельцин], несомненно, обращался к интеллигенции, но он ее недостаточно учитывал и привлекал, а она оказалась слишком обидчива и амбициозна. Живой пример тому — действительно очень грубое, мало мотивированное, очень российское отстранение Егора Яковлева от телевидения. Его достоинство, личное достоинство, было задето. И его можно было бы понять, если бы он не согласился куда-то войти, предпринял какие-то мужские акции. Но Егор, на мой взгляд, поступил самым глупым образом — он из своей обиды, я бы сказала, мотивированной обиды и задетого самолюбия сделал антипрезидентскую газету. Этот ответ неверный. И в нем как в капле воды отражается интеллигентская позиция. Чтобы выместить свою обиду, он... То есть надо было поступить так: «Я лично оскорблен, обижен, но ситуация такова, что я считаю...» Ну, не хочет с ним встречаться, так это его личное дело, дело мужчины.

ДШ: А Чубайс так же поступил?

МЧ: Чубайс повел себя очень достойно. Не исключено, что сейчас он будет участвовать в президентской предвыборной кампании. Дважды об этом уже говорил Ельцин... А демократы сейчас сосредоточены на том, чтобы отговорить президента баллотироваться. Все силы брошены на это.

ДШ: А что с Клямкиным?

МЧ: Не знаю, о Клямкине давно ничего не слышала. Мне это менее интересно.

ДШ: Понял. Возвращаясь к вопросу, который меня волнует. Как вы относитесь к бесцеремонности Ельцина в отношениях с людьми?

МЧ: Почему бесцеремонности?

ДШ: Ну то, как он избавляется от людей. Например, как он обошелся с Горбачевым.

МЧ: Подождите, вопрос о том, в какой форме происходят отставки. Вот два случая. Печать шумела о представителях президента в Конституционном суде и в Думе, о том, как он с ними безобразно обошелся. А потом выяснилось, что все было совсем не так. Один сказал, что сам подал заявление, другой — что с ним три раза говорили. И вот [такая дезинформация] распространяется постоянно.

ДШ: То есть люди передергивают.

МЧ: Да-да. Постоянно. Я и сама была возмущена и начала туда звонить. А мне через два часа перезванивают: «*Посмотрите, они уже на телевидении*».

ДШ: Это желание видеть худшее.

МЧ: Да. Вообще, грубоватость — она у него есть. Это факт, и даже хамоватость. Но должна сказать, что личное общение Ельцина с президентским Советом — тут нет сравнения с Горбачевым. Во-первых, Ельцин со всеми на «вы».

ДШ: А Горбачев был на «ты»?

МЧ: На «ты». И Черномырдин на «ты». Вот старик Ясин, а он и с ним на «ты», но как-то по-доброму. Горбачев был на «ты» с Залыгиным! Восемидесятилетний Залыгин мне лично говорил: «Ну почему он со мной на “ты”»? Я не понимаю». А Борису Николаевичу это и в голову не приходит. Чтобы он нас оборвал — такого даже в голосе нет. Говорят, он вообще не матерится. Вот Черномырдин — да.

ДШ: А он пьет?

МЧ: Сведения такие, что в декабре было решение [остановиться?]. Будто бы ходят слухи. Все-таки речь идет о здоровье. В декабре он вообще сбросил тринадцать килограммов.

ДШ: Мариетта, я записал в своих заметках то, что вы говорили, но не могли бы вы конспективно обозначить пять-шесть основных достижений Ельцина как демократа?

МЧ: Он дал возможность сначала вице-премьеру, а потом министрам-реформаторам работать дольше, чем они могли бы надеяться. И это в самых жутких условиях. Они сами это не раз говорили, а теперь забыли (это не касается Чубайса). Второе, он не просто дал им возможность работать, но ни разу, поливаемый грязью в прессе, не свалил все на Гайдара. Ни разу! Я поражаюсь, как они сейчас не могут по-человечески оценить хотя бы это.

ДШ: Это два.

МЧ: Он понял, что реформы нужны, взял на себя [ответственность] и не сделал вид, что виноваты какие-то завлабы, как тогда сказал Черномырдин. А тот сам полтора года ни одного решения без Чубайса не принимал. Потом уже под аплодисменты коммунистов Черномырдин заявил, что во всем виноваты завлабы. Ельцин никогда бы такого не сделал. Он уважал этих людей.

Третье, никакие его отставки не приводили к резкой перемене курса в отношении экономики, хотя метания были. Как в отношении реформистской экономики, что важно в контексте Америки, так и в отношении свободы слова. Если что-то было не так, то он учитывал и быстро менял. Скажем, налоги на японские машины [не сработали], он раз — и обратно. Вы не учились быть премьером, и он, секретарь обкома, не учился быть президентом.

ДШ: Дальше.

МЧ: Повторяю, реформистский курс в экономике не менялся. И главное, ни разу не отменяли демократические свободы, которые десять раз похоронили [усилиями Полторанина?]. В печати полный обвал — конец свободы печати. Полторанин уже в каком-то шовинистском лагере, а свобода печати есть. Ельцин ни разу никого не одернул, не окрикнул и не наказал за личную критику в его адрес.

ДШ: А как было с программой «Куклы»?

МЧ: Ничего он с ней не сделал. Была его охрана, но он ничего такого не сделал.

ДШ: А почему она перестала выходить?

МЧ: Простите, вы человек из демократической страны и должны сами это [знать]. Ельцин назначил нового прокурора, у него новые замы... Может быть, он и был оскорблен «Куклами», но он не давал такого распоряжения. Новый прокурор этим занимался. У меня есть консульский пресс-релиз, я вам его покажу, где говорится, что еще в августе или сентябре 1995 года это дело прекратили за отсутствием состава преступления.

ДШ: Значит, вопрос снят.

МЧ: «Обижен, не обижен — это мое личное дело», — сказал он в Екатеринбурге. — Надеюсь, никто не может сказать, что он пострадал.

ДШ: Дальше, что еще [относится к заслугам Ельцина]?

МЧ: Он ощущает, что у него есть невыполненная задача, которую он должен выполнять. У него есть историческая задача. А это немаловажно. Он ощущает демократию как свое личное дело. Ему завещано...

ДШ: Он глубоко проникся делом демократии, и для него это...

МЧ: Я так считаю. Не соглашусь, что Ельцина интересует только власть. Ни Костиков мне это не может доказать, ни я Костикову, что это не так.

ДШ: Что еще в плюсе?

МЧ: Свобода печати — это очень важно. Свобода политических партий. Я бы даже сказала — разгул политических партий, никому не нужных. Свобода демонстраций, естественно. Сейчас идет свободная политическая жизнь, никем не стесняемая. Мы просто зажрались — и вы, и наблюдатели западные зажрались! На чей-то вкус, может быть, даже излишняя свобода. Идиотство — сорок пять партий участвовали [в выборах].

ДШ: А какие у него были ошибки? Одну вы уже назвали — Чечня.

МЧ: Это привело к огромным последствиям. Надо было развязывать узел на длительных переговорах, начинать серьезные переговоры. Наверное, начинать надо было с Дудаева. А окружение президента этого не советовало. Все ему внушали, что неуместно вести переговоры.

ДШ: Еще какой-то негатив?

МЧ: Бесконечные шатания, метания. Не знаешь, от чего он еще откажется. Это его вина и наша беда — он так же мучается и ищет, как и мы. Потом он упустил контроль над всей исполнительной властью. Дальше маразма такого нету. Год назад с лишним я ему это говорила на встрече с интеллигенцией, когда писала с товарищами письмо, которое подписали семьдесят четыре человека. Он нас пригласил, это был конец октября 1994 года, за две недели до начала действий в Чечне. Он тогда, конечно, и знать о них не знал, как уверяют близкие ему люди. Это все спонтанно получилось из-за чертовой ФСБ, которая туда свой идиотский десант выслала. Мы покрывали этот десант. Все остальное — это [попытка] загладить идиотство ФСБ. Вот ведь что было.

ДШ: Это войска особого назначения?

МЧ: Нет, это КГБ бывшее.

ДШ: Значит, это все в негативе.

МЧ: Да, конечно. И еще. Я ему тогда говорила, что куда ни приедешь, люди показывают: *«Вот глава администрации или чиновник ваши хоромы себе построил»*. Говорю ему, ведь у вас же есть указ. А он возражает: *«Это коммерсанты, это не мои»*. *«Нет, Борис Николаевич, — отвечаю, — я знаю, о чем говорю. Коммерсанты — это другое дело. Кто-то там что-то незаконно приватизировал, а я говорю о чиновниках, которым вашим указом запрещена коммерческая деятельность. Они как дьяки расположились, живут в хоромах. Все знают, что на зарплату такие не построишь»*. Разговор был в Грановитой палате, несколько часов мы говорили.

ДШ: А он что?

МЧ: Ну, записал себе. И вот теперь только он раскачивается. Прошло уже полтора года. А что же он меня раньше не послушался? Сейчас он начинает преследовать за коррупцию. Он это абсолютно не контролировал. И второе, что он безобразно не контролировал, — ну не только он, конечно, но и правительство, хотя спрашивать будут с него, — Министерство финансов перечисляет зарплату, а она не доходит, [потому что] ее крутят. Я ему тогда же говорила: *«Найдите хотя бы одного-двух [виновных], сделайте показательный процесс. Это ваш директор крутит, черт побери»*. А он: *«Да, да, да»*. Это я полтора года назад говорила на той же встрече. Только сейчас объявил, что наказывать будем всех. И сейчас за это взялись. Вот его ошибки.

Третье — судебная власть. Что-то надо было делать. Судьи разбежались, им не платят, работают они безобразно. Раз за разом суды оправдывали фашистов. И так далее. Каким-то образом он должен был на это реагировать. Эта его идиотская политика общественного согласия, которой он некоторое время придерживался, она ничего не дала. Только сплошные убытки. Он все старался [быть над схваткой], а мы все ему внушали, что вы президент демократической России. Я это ему не раз говорила, и это даже попало в его речь, когда он выступал в ООН, как вы знаете. Он к этому прислушался.

ДШ: То есть существует достаточно длинный список его промахов.

МЧ: Конечно.

ДШ: А что касается национализма [это за ним водится?].

МЧ: Этого нет. Он сто процентов не антисемит. Этого у него нет органически. Один его помощник по экономике — Лифшиц, на черта ему держать Лифшица? Теперь, министр экономики Ясин — еврей. Заместитель его, Уринсон, говорят, еврей. Ну так говорят, за что купила, за то и продаю...

ДШ: То есть он за державу, за Россию.

МЧ: Я ему говорила на Совете в августе, это предыдущий Совет, что имперская [риторика], за которую вы в последний год взялись, неправильная. Но оставим в стороне этот факт, эта риторика прежде всего непрактична. Это ничего не принесет вам у националистов. Они все равно вам не поверят. Вы для них все равно демократ, а значит, антипатриот, а у нас вы теряете. Вот и все.

ДШ: Это производит впечатление двуличности, готовности все время менять...

МЧ: Это не двуличность. Он ищет. А как же президент такой страны может быть односторонним? Посмотрите, что творится.

ДШ: Это прагматизм?

МЧ: Если бы он не был прагматистом, вы бы сами над ним смеялись. О чем вы говорите, еще один прекрасодушник. Да, порой он хватается за державные, имперские лозунги, потому что он не знает, как иначе показать, что он патриот. Патриот он совсем в другом, чего он не может выразить.

ДШ: Значит, ему нужна риторика.

МЧ: Ну, я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина.

ДШ: Ну да, как надо отмечать пятидесятилетие Победы. Там есть шизофренические моменты. Что еще? Как с коммунистами, которые с ним заигрывают?

МЧ: Я не вижу никакого заигрывания. Я считаю, что ему бессмысленно вести с ними какую-то полемику. Просто надо утверждать, что в России будет демократия, а не ваш вшивый социализм. Надо утверждать, а не спорить. Это мое мнение.

ДШ: Что касается существа нашего разговора, то я хочу об этом написать заметку, может быть, в «Лос-Анджелес Таймс» (см. «The case for Yeltsin, given the alternative»¹).

Что бы вы сказали людям, которые считают ваше сотрудничество с Ельциным предосудительным?

МЧ: Я бы им сказала, что ни одной минуты не думаю о своей репутации. Дай бог мне разобраться с самой собой. Моя репутация внутри меня самой. Вот меня она интересует, а в глазах других — нет.

ДШ: В нескольких фразах как бы вы определили свою позицию?

МЧ: Одной фразой — не хочу сдавать Россию коммунистам. А [Баткин?] считает, что ничего особенного, зато будет поляризация — замечательно, да? Зато будет поляризация, понимаете? Чистота эксперимента, а то ему надоело, что все какие-то полуреформисты...

ДШ: Что еще можно ответить вашим критикам?

МЧ: Зачем же я буду сидеть дома и злиться за телевизором. А так я буду знать, что сделала все, что смогла.

ДШ: Значит, есть примеры того, что он прислушивается к вашим словам.

МЧ: Ну, я вижу высказывания мои и в других его [речах]. Скажем, я ему говорила: «Помните, что вы президент демократической России и только так вы можете выступать». Не вообще России там или империи, а демократической России.

ДШ: И он не отказался от [этой формулировки].

МЧ: Нет, он это произнес дословно. Я бы сказала, начиная с декабря этого года, он уже не боится.

ДШ: Итак, в данном историческом контексте надо голосовать за Ельцина, работать на его кампанию.

МЧ: Есть надежда, что именно этот, так сказать, массивный человек сможет за несколько месяцев изменить [ситуацию], если сделает нужные социальные шаги. Может быть, он сможет противостоять Зюганову.

ДШ: Что именно нужно сделать, чтобы за эти три-четыре месяца...

МЧ: Дать людям зарплату, вернуть им минимум сбережений, о чем я говорила полтора года назад. Причем меня высмеяла вся демократическая общественность. Я сказала: «Верните хотя бы старухам смертные деньги. Наши старухи так устроены — они не могут жить, если у них не отложено на смерть. Пойдем им навстречу». Демократическая общественность рыдала от злости, истекала бешеной слюной: «До какого цинизма дошли интеллигенты, чтобы...»

¹ <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1996-06-10-me-13596-story.html>

ДШ: Ну не все, не все.

МЧ: Я в печати не видела на эту тему ни одного положительного отклика и десятков отрицательных...

Хочу еще раз подчеркнуть, почему на меня так накинулись, что для меня совершенно непостижимо.

ДШ: Но ведь не одна же вы такая. Есть люди вроде Аверинцева.

МЧ: А я что, говорю, что я одна? Аверинцев — это другое дело. Мы с ним близки, но разница в том, что Аверинцев профессор в Вене, завкафедрой. Он не участвует в политической жизни.

ДШ: А разве в России он уже не живет?

МЧ: В общем, не живет. Он ездит, конечно, но он больной человек. У него была серьезная операция на сердце. Я хочу сказать, что наше неискушенное в демократии общество, прежде всего так называемая демократическая публицистика, наша четвертая власть считают, что любой шаг на социальные нужды людей в контексте выборов есть популизм, который надо обличать. Как будто где-то в мире президенты приходят к власти, не делая шаги навстречу своему электорату.

ДШ: Тут можно возразить, что это неплохо было бы сделать за год или два до выборов.

МЧ: Подождите, я это сказала когда? Ведь меня оплевали еще в 1994 году, когда я говорила, что именно это надо делать.

ДШ: Тут я согласен на сто процентов.

МЧ: Извините, за два года до [выборов], чтобы повернуть людей к демократии. Потому что демократы пришли к власти и отняли последнее дотла. Когда я вам говорю: «*Вы должны*», — знайте, что я сама осуждаю этот оборот речи, обращенный к кому-то, кроме самого себя. Это наше наследие. У нас все знают, кто кому чего должен, и мало знают, что он должен самому себе.

ДШ: Мне как раз и кажется, что нет более радикальной позиции, чем начать с себя. Не с Конституции, пятилетнего плана и так далее.

МЧ: ...Мама рассказывала, что моего брата старшего напугала собака, когда заглянула ему в коляску. Ему было два или три года. И он стал заикаться. Врач-логопед сказал маме, что с ним надо все петь: «А-ну-ка-ид-и-ку-у-у-шать». И он должен отвечать так же нараспев. И таким образом он вылечился. Так вот, мне кажется, что при

помощи английской мелодики вы, сами того не сознавая, избавились от дерганной [манеры]. Наша интонация теперь уже вас не вернет в нашу национальность. Вот моя гениальная мысль.

ДШ: То есть это была своего рода самозащита.

МЧ: Такой якорь спасения.

ДШ: Что-то вроде самотерапии.

МЧ: Да, такой терапевтический ход. Я в этом уверена, поэтому и гениальная идея. Таких у человека немного.

ДШ: Мне кажется, у вас много идей, в которых вы уверены.

МЧ: Да, видите, это мой недостаток.

[Смех]

ДШ: В этом наблюдении действительно что-то есть. Я бы только заметил, что в России меня часто принимали за идиота, которого трудно завести, человека, который не пьет, не курит. Возможно, здесь что-то от рождения. Кто его знает.

МЧ: Вы думаете, это у вас в крови или вы изменились? Вы были таким всегда?

ДШ: Вряд ли, но до какой-то степени я, наверное, был не совсем такой. Противно собачиться было всегда, и я уезжал-то прежде всего из-за этого. От того, что меня не оставляли в покое.

МЧ: Последнюю рубашку просите, если хотите, но оставить вас в покое? Нет.

ДШ: Я пытался объяснить своим друзьям-диссидентам: «*Вы не понимаете, до какой степени вы воспроизводите в своей среде нетерпимость к другим. Нетерпимость к людям, с которыми вы не согласны. Вы боретесь с большевизмом [эмоционально] большевистскими средствами, произвольно воспроизводя на этом уровне то, с чем вы боретесь. И пока ты, Сеня¹, не будешь обращаться со своим сыном Пусиком и женой Наташей...*»

<...>

МЧ: Вещи, о которых вы говорите, — это необходимые вещи. Они давным-давно назрели. Говорят, что это он под выборы делает, и действительно, лучше позже, чем никогда. [Я ему об этом говорила.] Но была и вторая часть преамбулы. Дело в том, что у нас не было денег, действительно не было резерва. Он накопился...

ДШ: Не то, что были деньги, но их нарочно не выплачивали.

¹ А. Рогинский.

МЧ: Ну, часть их, конечно, растаскивали, и они не доходили до адреса, потому что жуткая коррупция среди чиновников. Люди на себя тратят деньги, надеясь на безнаказанность, которая процветает. Тратят на себя деньги, адресованные населению. Но в то же время, по признанию экономистов, и тут у меня нет оснований не доверять Чубайсу и министру экономики, к концу того года накопился некий резерв. Он должен был быть, потому что инфляция снизилась, а это симптом каких-то благотворных процессов. Как вы знаете, инфляция резко снизилась с лета того года. И это заметно... Возьмите конкретный пример, скажем, хлеб. Батон хлеба стоит от 1600 до 1800. В этих пределах. Инфляция за месяц — 2 процента. Это значит, хлеб стал дороже на 30 рублей. Или возьмите буханку за 2000, это значит, хлеб вырос на 40 рублей. Это абсолютно незаметно... Понятно, что накопились деньги, и нужно решать, как их распределять. С первого марта обещают регулярную выплачивать зарплату. Над ним [Ельциным] смеются, но смеха тут нет — создан резервный фонд, и, если деньги задержат, он сможет выдавать из резервного фонда. Для нормальной демократической страны это нонсенс. Для страны в состоянии *improvisation* это не нонсенс. Здравомыслящие люди, которых у нас, к сожалению, осталось не так много, говорят: «Да хоть из чего-нибудь надо выплачивать зарплату». Резервный фонд, президентский фонд — абсолютно не имеет значения, из какого фонда. Затем вернуть минимум накоплений. Старшему поколению [прежде всего], как я вам говорила, хотя бы деньги на смерть. Скажем, начиная с 75 лет. Мне говорила [?], что хоронила отца и потратила 4 миллиона.

ДШ: Люди не просто озлоблены, а они реагируют на конкретные вещи.

МЧ: Я прекрасно помню мою бабушку, царствие ей небесное, она была моей няней из маминого села. Она говорила: «*Вот у меня на смерть деньги отложены*». А нас было пятеро детей, в воспитании которых она так или иначе участвовала. И вот я говорю: «*Баба, неужели тебе не помогут?*» А она: «*Ну нет, все-таки пусть будут*». И действительно, мы ее хоронили в основном на ее деньги. Она у меня на втором месте после родителей, почти что рядом с

ними. Она была из-под Суздаля, знала, что я ее обожала, все мы ее очень любили, и она говорила: «*Нет, у меня на смерть деньги отложены — знай*». Эта ценность для нашего российского населения необычайно важная. Для женщин особенно. Для мужчин почему-то в меньшей степени, так уж сложилось, но наши бабушки... Верни людям [накопления], и они воспрянут. Наш народ в общем-то неприхотлив в этом смысле. Он откликнется даже на малую помощь. Все очень трудно. Вот и студентам немножко повышать стипендии надо. На стипендии никогда нельзя было прожить. Помню, мы собирали нашему сокурснику, он ходил зимой в кедах парусиновых, и мы ему собирали [деньги], чтобы он вовсе не замерз. Собирали всем курсом, у нас было триста человек на курсе. [Вообще-то] я не отношу студентов к социально незащищенным, честно говоря. Очень жаль, что им приходится работать, это влияет на учебу. Но сначала надо подумать о других.

Вот такие [проблемы]. Потом, опять же, речь идет о безнаказанности чиновников. Надо наказывать. Это верная мера. Надо наказывать за чиновнические преступления, выгонять. Сейчас уже, в последние две недели или последнюю неделю, он [Ельцин] уволил четырех глав администраций за неадресное использование целевых средств.

ДШ: И другие это заметят.

МЧ: Ну, да. Надеюсь. А раньше они были полностью уверены в себе. Останутся две трудные вещи, которые нужно поставить на первое место, — это криминальная обстановка в России в целом, с которой труднее всего бороться... Важно, чтоб люди видели — работа идет. И главное — это война в Чечне. Если она не будет остановлена до выборов, то...

ДШ: В трех-четыре словах: как это можно сделать?

МЧ: Сейчас члены Президентского совета, которые продолжают поддерживать Ельцина и остались в Совете, написали письмо, которое было опубликовано в «Известиях». Там Алла Ярошинская, секретарь Союза журналистов, предупреждавшая в украинской газете за восемь месяцев до Чернобыля о возможности аварии, но ее никто не послушал, ее преследовали, и в результате она трагически оказалась права. Там у нас еще есть такой предприниматель,

из честных предпринимателей, Олег Киселев. Два сотрудника аналитического центра при президенте, они же члены Совета. Паин Эмиль Абрамович, который как раз занимался Чечней (к его мнению не прислушались). Леонид Викторович Смернягин. Затем Марк Захаров, режиссер, который раньше был за то, чтобы Чечню добивать. Он сидел у нас на одном внутреннем заседании в декабре.

<...>

Да, я не договорила. У нас в Совете порой были разногласия с президентом и друг с другом, хотя мы считали своим долгом его поддерживать. И один из спорных, приоритетных вопросов нужно было вынести за рамки споров — это вопрос о войне в Чечне, которая должна быть остановлена. В качестве первого этапа мы предлагаем мораторий на проведение крупных войсковых операций. Сотрудники президентской администрации, приличные люди, говорили, что [шаги должны быть] обоюдными. А я говорю: *«Извините, у Дудаева нет возможностей для проведения крупных войсковых операций. Такие возможности есть только у России. Поэтому здесь все правильно написано»*.

ДШ: Еще немного о Президентском совете. Сколько там людей, кто туда входит, избирается ли Совет, есть ли попытки ввести туда людей из разных слоев населения? Какова его структура и функция?

МЧ: Было двадцать восемь [человек], когда я туда входила. Вольных стрелков, как я, там нет. Писатель Гранин еще. Из писателей он один. А так это директора и сотрудники институтов. Где-то у меня есть список, может быть, он найдется.

ДШ: И члены Совета назначаются президентом?

МЧ: Да.

ДШ: И какая политическая ориентация у членов Совета?

МЧ: Недемократических там нет. Мы, конечно, можем резко расходиться [по отдельным вопросам]. Кто-то там державник, я, конечно, против.

ДШ: Кто там наиболее консервативен?

МЧ: Что называть консервативным? Например, с Антоном мы расходимся сильно. У него наиболее державническая тенденция. Я просто не видела большего державничества, чем у Миграняна.

ДШ: И члены Совета туда входят, иногда выбывают...

МЧ: Ну да. Гефтер, например, вышел в свое время. Нет, эти проблемы нерешаемые на самом деле. [Центральная] проблема тут — интеллигенция и власть, у которой нет однозначного решения. Каждый ее решает для себя, каждый отдельный момент. Не исключаю, что вы еще до выборов услышите, что я вышла из Совета.

ДШ: Как часто вы собираетесь?

МЧ: Нет никакой периодичности. Назначают или предлагают провести заседание перед какими-то важными событиями или для того, чтобы сориентироваться в обстановке. Я вам рассказывала, что перед его поездкой в Америку, перед выступлением в ООН [было заседание]. Не только по поводу внешней политики. До сих пор так было, приглашают двенадцать-тринадцать человек. На полном заседании я была только один раз. Ему [Ельцину], видимо, предлагают список приглашенных для данной темы. Он всегда сам смотрит. Не так, чтобы он не знал, кто туда придет в данный момент. Он обязательно просматривает список участников, с ним обсуждается, кого приглашать на данный Совет. Вот сейчас в связи с такой экстремальной ситуацией, когда часть членов вышла из Совета, он [хотел посоветоваться].

ДШ: Есть ли в Совете голосования по каким-то вопросам?

МЧ: Голосований нет. Все зависит от самого человека. Когда началась Чечня, я написала: *«Как член Совета, считаю своим долгом сказать вам...»*

ДШ: Просто идет разговор.

МЧ: Выступают по одному.

ДШ: И он там присутствует всегда?

МЧ: Председательствует всегда президент.

ДШ: Скажем, в 1995-м сколько раз собирался Совет?

МЧ: Один раз.

ДШ: За весь год?

МЧ: За весь год. Это был такой год.

ДШ: А в предыдущие годы?

МЧ: В предыдущие годы по несколько раз.

ДШ: А в этом году?

МЧ: В этом году вот собрались 9 февраля.

ДШ: Уже после вас?

МЧ: Нет, при мне. Просили меня очень задержаться [отложить поездку]...

ДШ: Кто вышел из Совета?

МЧ: Сергей Ковалев вышел. Гайдар, Лацис и Сергей Сергеевич Алексеев. Профессор такой, правовик, Конституцией занимался.

ДШ: Это в связи с Чечней?

МЧ: Да, они мотивировали [свой уход] Чечней. А перед этим мы написали два письма, две телеграммы писали президенту. Сначала вчетвером — Гайдар, Лацис, Ковалев и я. Ночью мы с Ковалевым послали. А потом втроем, просто не могли найти Ковалева. Потом уже я узнала, что по техническим причинам помощница Гайдара не смогла ее отправить — на телеграфе не приняли телеграммы без наших заверенных подписей. С улицы президенту нельзя так послать телеграмму. В этом есть своя логика. Мы действовали вместе, конечно. Он не отреагировал, но мы имеем право.

ДШ: Значит, вы перечислили наиболее важные шаги — восстановить доходы, помочь студентам...

МЧ: Ну, чтоб повысили им стипендию. Хотя гораздо важнее, чтобы студентов в армию не забирали. Студентов теперь забирают в армию.

ДШ: Теперь с Чечней — вы рекомендовали вести переговоры.

МЧ: Ну, я же сказала, воздерживаться от больших действий и вести переговоры.

ДШ: Что еще можно сделать до июня, чтобы убедить людей?

МЧ: Надо делать, как коммунисты. Они по квартирам ходят. Вот у меня знакомый живет около Академии Жуковского — буквально ходят поквартирно и предлагают голосовать за коммунистов...

ДШ: Вы бы рекомендовали то же делать демократам?

МЧ: Да, конечно. Любые нормальные предвыборные действия. Но ничего такого не будет. Естественно, нужен единый кандидат от демократов, по крайней мере для второго тура. Чтобы за Явлинского голосовали... Вообще, мы не знаем, что будет во втором туре.

ДШ: Даже если Явлинский победит в первом туре, ему не победить коммуниста Зюганова во втором.

МЧ: Все эти сценарии, они накладывают отпечаток на нашу журналистику...

[Перерыв в записи]

ДШ: ...Сегодня у нас уже 24 февраля, и вы уезжаете буквально через пятьдесят минут. Это, кажется, третья часть нашего разговора.

МЧ: А чаю можно?

ДШ: Прошу прощения, сейчас... Один-два вопроса остались, которые я хотел бы задать, а потом закончим. Если я правильно понял, одна из ошибок Ельцина — это то, что он не смог наладить отношения с интеллигенцией.

МЧ: Я считаю, что это взаимно.

ДШ: Бурлацкий говорил, что одна из причин, почему Хрущев проиграл, заключается в том, что сначала интеллигенция его поддержала, а потом [от него отвернулась]. Я встречал этот троп неоднократно. У вас несколько другой подход, но где-то слышится и такой мотив: «Ельцин должен быть осторожен с интеллигенцией, а то...» Вы не могли бы развить эту тему, не делает ли Ельцин ошибки?..

МЧ: Нет, не могу встроиться в тему. Ошибки? Нет.

ДШ: После манежной выставки 1962 года критики писали, что Хрущев утратили доверие интеллигенции, потерял поддержку реформаторов и его скушали.

МЧ: Ну, конечно. И [Ельцин] стоит между партбюрократией и [интеллигенцией]. Но интеллигенции он ближе...

Я вот что подумала, так как у вас есть мой адрес, что вам стоит послать мне [вашу записку]. Вы ведь ее сделаете дней за восемь, наверное. Пошлите ее мне, может быть, там какая-то фраза не та, а я смогу сделать уточнение. Это не для того, чтобы вас контролировать, а наоборот, чтобы быть вам полезной.

ДШ: Да, я могу прислать по факсу. Так и сделаем. Я постараюсь отложить другие дела.

МЧ: Да, отложите, воспользуйтесь [моим советом].

ДШ: Это важно и Западу, поскольку здесь сейчас столько на эту тему пишется.

МЧ: Это будет благое дело. Может быть, и с моим именем, что поможет очищению атмосферы. Поскольку мы достаточно затратили на все это времени и сил, я возлагаю на вас надежду, что вы продвинете нашу точку зрения ближе к Белому дому. И, раз уж вы помогаете нашим ветеранам, то каким-то образом сумеете внести свой вклад в формирование

Участники Конференции по русской культуре в Университете Невады в Лас-Вегасе, февраль 1996 г.

конструктивной позиции Запада по отношению к нам в эту необычайно [трудную эпоху]. Надеюсь, что я, по крайней мере, сумела передать вам чувство абсолютной экстремальности этих месяцев. Вчера мы с вами примирились на том, что да, мы расходимся в каких-то тонкостях, но в том, что касается вековой почвы демократии, [мы сходимся]. Я всегда восхищалась Тыняновым в том смысле, что ему не надо каждый раз вырабатывать точку зрения на литературу, он всегда ее видит методологически в одной и той же раме. Это гениально. Он вообще гениальный ученый. И у меня, смею сказать, появилась такая методологическая константа только в последние два года, может быть. Понимаете, про что я говорю, да?

ДШ: Сложилась такая парадигма.

МЧ: Да, парадигма. Когда мне уже не надо [мудрствовать]. Вот этот поворот у меня уже как панорама готов. Как пишет Булгаков, у китайцев уже с рождения в глазах, видимо, была заложена панорама. Так вот, такая панорама есть у западных людей, но я уверена, что сейчас Запад не понимает кардинальных вещей, советских и постсоветских. Сейчас проведу параллель, и вы меня поймете. [Это связано с] Домбровским. С ним я была по имени отчеству и на «ты».

ДШ: Как его звали?

МЧ: Юрий Осипович. Он требовал, чтобы я его называла Юрой и на «ты». Я сказа-

ла: «Нет, я так не буду. Давай помиримся на половине — Юрий Осипович и на «ты»». Мы с ним обсуждали проблему стукачей. Он говорит: «Ну, я тебе так скажу, старуха, — наше тогдашнее обращение. — Если один человек говорит, что это стукач, на это не обращай внимания. Два человека — тоже можно не обращать внимания. Но если все говорят, стоит уже поразмыслить. Но у меня есть еще одна примета. Если человек сам говорит, что он стукач, то даже если он говорит шутовски, юродствует, я считаю, что он стукач». Если коммунисты говорят, что они коммунисты, значит, они коммунисты. В нашей стране. Я исхожу из этого. Если бы они были социал-демократы, то они бы сказали, что они социал-демократы, и отреклись бы от преступной коммунистической партии.

ДШ: А как быть с газетой «Московский комсомолец»?

МЧ: Нет, это другое. Они так играют. Я считаю это правильно. В известном смысле это как кремлевские звезды. Прочтите мою статью про кремлевские звезды и, я думаю, вам это будет понятно. Мне как москвичке это не мешает. Я смотрю на кремлевские звезды и не хочу, чтобы их меняли. Пусть, думаю, будут. Они мне как орнамент не мешают.

ДШ: В Древней Греции знакомые символы не означали фашизма.

МЧ: Да. Начинается десемантизация — это очень интересно.

ДШ: Такое переозначивание. Но с коммунистами это не так.

МЧ: Нет, совершенно другое — это политическая партия. Если вы не коммунист, зачем же вы себя называете коммунистом? Сначала вы должны сказать, что та коммунистическая партия была преступной, а мы за идею социальной справедливости. Это вечная идея, но мы заявляем, что мы не преемники их, не преступники.

ДШ: И все эти двенадцать вариантов коммунистов — все это одним миром писаны.

МЧ: Все. Но не писаны, а мазаны. Слова «коммунистическая партия» имеют совершенно определенный смысл в России. Коммунистическая партия правила нами, нас подавляла, нас убивала, заливала страну кровью. От нее нужно отказаться... Найдите «Русскую мысль» за январь этого года или декабрь, не позже. Статья Валерия Сендерова. Найдете в библиотеке, если захотите... Сендеров рецензирует эту книгу, на целую полосу. Там полно цитат...

ДШ: Мариетта, хочу уточнить — вы себя к державникам не относите?

МЧ: Конечно, нет. Как на яхте — правь так, а ветер тебя снесет, но править надо на Запад, на западную цивилизацию. Никуда нельзя больше. Тут нет вопроса.

ДШ: И особый русский путь...

МЧ: Я и пишу, и Ельцину говорю, что все державничество наше, национальный интерес наш в том, чтобы поднять благосостояние народа, чтобы построить цивилизованный мир. Больше ничего...

ДШ: Я веду интервью, но отчасти высказываю и собственное мнение, веду диалог. Здесь еще есть интересная для меня проблема цели и средств. Как бы вы ответили тем, кто считает, что цель оправдывает средства?

МЧ: Прошу в данном случае меня процитировать: нельзя средствами подменять цель. На Западе в данный момент средства начинают заменять цель. Средства не безразличны для достижения цели, но также нелепо и, может быть, преступно подменять цель средством. Понимаете? Средства демократические, но целью демократических средств является демократия.

ДШ: Такая диалектика — иногда приходится применять недемократические средства, чтобы добиться демократических результатов.

МЧ: Нельзя использовать демократические средства ради самой технологии. Используя такие средства, нельзя упускать из вида демократические цели. Но также нельзя пренебрегать средствами в достижении демократических целей. Надо стремиться к тому, чтобы эти средства оставались демократическими.

ДШ: Вы видите, что здесь есть опасность?

МЧ: Не то слово, катастрофическая опасность. Я бы хотела, чтобы Запад нам помог технологически. От западных теоретиков и практиков я бы ожидала... Чего бы я хотела — это чтобы они нам подсказали путь — очень сложный, комбинаторный, но демократический путь преодоления большинства, голосующего за недемократическое развитие [страны]... Ваш парадокс остается теоретическим, потому что каждый американец знает, что никакой избранный президент не посягнет на Конституцию, которую создали отцы американской демократии. Самый тупой американец, я извиняюсь, в этом уверен. А нам заявляют, что наше главное завоевание будет опровергнуто — сама его структура [будет разрушена] в таких конституционных мелочах, как права человека.

ДШ: Я ставлю эту проблему перед моими студентами с помощью примера. Несколько лет назад американские нацисты собрались маршировать в штате Иллинойс [в районах, густонаселенных евреями, но суд подтвердил их право на марш].

[Перерыв в записи]

МЧ: ...Я уверена, что Америка нашла бы способ защитить свою демократию. Иначе верить в человеческий разум больше нельзя.

ДШ: Конституцию можно изменить демократическими средствами. Если две трети штатов в Америке проголосуют — я не знаю там...

МЧ: Что право на свободу больше никому не нужно.

ДШ: Да.

МЧ: Понятно, но тогда Америка перестанет быть демократической страной. Может быть, кто-то из американцев к этому готов. Я не готова к тому, чтобы моя страна снова была под коммунистами... Вот я читаю письмо наших ветеранов [уехавших из СССР] по поводу разгула антисемитизма. Но на самом деле погромов не было. Я го-

ворила своей подруге-еврейке, которую муж увез в Израиль: «Ты видела у нас на заборах слово из трех букв — но это не означает, что тебя сейчас будут насилловать. Ну и что, что какой-то дурак нарисовал?» Очень далеко у нас от погромов. Они оформляют свои беженские дела — на здоровье, как говорится.

В «Новом мире» было хорошее письмо женщины, она умница большая, обращается к своим друзьям, евреям среди прочих: «Пожалуйста, уезжайте, об одном только прошу — не разрушайте страну. Не внушайте всем, что жить здесь нельзя. Подумайте о тех, кто здесь живет». Я бы подписалась под этим письмом. Я б сама действовала, как Чикагский суд, а если будет угроза погрома, извините, я вам первая об этом скажу. Был у нас такой еврей, мастер на все руки, и мы ему говорим: «Ну ты-то что уезжаешь?» Он и машины чинит, и все, я ему говорю: «Ты же знаешь прекрасно, что никаких погромов не будет». А он: «Да, но мне надоело. У меня теперь внучка, — а жена у него русская. — А мне надоело присматриваться, будет или не будет». Я: «Все, Боря. Больше вопросов не имею». Имеет право. Но я как русская говорю, что за все эти годы ни разу не было ситуации, когда я могла бы сказать: «Да, есть серьезная угроза погромов». Но свастику на демонстрациях я бы [не допустила], потому что фашистская символика запрещена во всем мире, как и у нас... Хотя ни одного фашиста у нас не осудили. Но всюду видеть погромные настроения и всех называть фашистами тоже нельзя... Пусть антисемит у себя на кухне говорит, а если это публичное преступление, я буду его преследовать. Но оставьте право на мысль. Мало ли что человек может думать у себя под одеялом относительно малолеток...

ДШ: А можно рассматривать пропаганду коммунизма по аналогии с фашизмом?

МЧ: Я считаю, да. Партия должна была быть запрещена как преступная, как и нацистская. А Ельцин пошел на поводу у ин-

теллигенции: «Как можно запрещать — это фашизм», — орали они... Преступления совершены на нашей территории.

ДШ: Надо было судить?

МЧ: Суд судил, но не осудил. Вы же знаете, что Конституционный суд не признал преступной [эту партию]. Уже поэтому тот совет надо было разгонять. Зорькин же был на поводу этого совета...

[Перерыв в записи]

МЧ: ...Речь идет о займах и прочем. И потом у нас все время ожидают открытие ваших рынков [товаров]. Он сейчас для нас закрыт. Я в этом плохо понимаю, но говорят, что он закрыт. Вам тут легче узнать. Опытный человек объяснит вам в пять минут... Наши консульские работники это говорили. И мой коллега Тарановский говорил, что их совершенно не интересует Россия. Им трижды наплевать — это ее проблемы... Мне бы хотелось, чтобы вы нашли слова...

ДШ: У меня есть какие-то идеи на этот счет.

МЧ: Сейчас, хочу договорить. Мне кажется, что Запад должен понять, что если Россия снова будет погружаться в свою бездну, то воронка будет слишком большая. Эту воронку они недооценивают — недооценивают, как быстро мы можем генерировать зло в больших масштабах, если коммунисты придут к власти.

ДШ: Ну, беспокойство здесь есть, конечно.

МЧ: Нет, мне кажется, нет. Снова начнется процесс взаимной гонки [вооружений].

А нам не привыкать все последнее отдавать на оборону... Я бы хотела, чтобы вы мобилизовали американцев. Надо срочно что-то сделать. Если бы они могли помочь финансово, то Ельцин помог бы самым нуждающимся слоям. И тогда изменилось бы соотношение электората — сто процентов!

Авторы номера:

Ольга Вендина — канд. географических наук, урбанист, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН

Лев Гудков — д. фил. наук, социолог, заместитель директора по науке Левада-Центра, Москва

Алексей Левинсон — к. ист., к. иск. наук, социолог, руководитель отдела качественных исследований Левада-Центра, Москва

Марк Тольц — русско-израильский демограф, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Дмитрий Шалин — профессор социологии и директор Центра демократической культуры Университета Невады в Лас Вегасе, Лас-Вегас, США.

Ульрих Шмид — д. фил. наук, славист, профессор по культуре и обществу России университета Санкт-Галлен, Швейцария